

Я буду летать!

Первая русская
женщина-летчица
Зинаида
Кокорина

Зинаида Смелкова

**Я буду летать! Первая
русская женщина-
летчица Зинаида Кокорина**

«Алетейя»

2016

УДК 929
ББК 39.5

Смелкова З. С.

Я буду летать! Первая русская женщина-лётчица Зинаида Кокорина
/ З. С. Смелкова — «Алтейя», 2016

ISBN 978-5-906860-75-0

Эта документальная повесть о русской лётчице 1920-х годов Зинаиде Петровне Кокориной, красном военлёте. Через историю её жизни в книге показаны события расцвета русской авиации и аэроклубов «Осавиахима», который в кратчайший срок поднял развитие лётных школ России на мировой уровень, что в значительной степени обеспечило победу в Великой Отечественной войне. Книга написана её дочерью, З. С. Смелковой, на основании автобиографии лётчицы, архивных документов и писем лётчиков-однополчан.

УДК 929

ББК 39.5

ISBN 978-5-906860-75-0

© Смелкова З. С., 2016

© Алтейя, 2016

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зинаида Сергеевна Смелкова Я буду летать! Первая русская женщина-летчица Зинаида Кокорина

© З. С. Смелкова, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

От автора

Это повесть о моей матери – Зинаиде Петровне Кокориной. Не написать её я не могла. По существу у меня были соавторы: сама З. Кокорина – её двенадцатистраничная автобиография, написанная по просьбе Центрального Музея авиации и космонавтики (там же хранящаяся) и очерк В. М. Пескова, опубликованный в «Комсомольской правде» в 1969 году. Естественно, что эти тексты стали и сюжетной, и документальной основой повести. Фрагменты из них я выделяю, но не обычным способом цитирования (выделение мешало бы целостному восприятию текста), а особым знаком + в начале и в конце цитаты, внизу страницы – обозначение источника. Использование этих источников во многом определило и тип повествователя: книга написана от первого лица.

Предисловие В начале были письма...

Утренний свет как-то незаметно проник в комнату и по-новому осветил беспорядочную грудку писем, разбросанных на постели старой женщины. Настольную лампу на прикроватной тумбочке можно было выключить.

Необыкновенная бессонная ночь – многоголосая, разноцветная, озаряемая вспышками забытых воспоминаний, – уходила... Вчера курьер «Комсомолки» привёз ей большой бумажный пакет писем. «Василий Михайлович просил передать: это отклики на его очерк. Посмотрите: большинство из писем адресовано вам».

Конверты были разные, но почти на каждом из них перед её фамилией стояли слова «Первой летчице»: «Первая» – так назвал свой очерк журналист Василий Песков¹.

Песков появился неожиданно в её московской квартире, полученной всего полгода назад. Появился «по наводке» одного из её старых друзей, бывших учлетов-качинцев, с большим трудом добившихся ее возвращения в Москву после реабилитации. Между двумя фотографиями разместилось несколько фактов из жизни первой советской летчицы, выпускницы знаменитой Качинской школы. Так вернулось забытое имя.

Было это очень давно, если мерить время марками самолетов.

Это было в годы, когда страна не имела еще своих самолетов, летали на покупных французских «Фарманах», «Ньюпорах»...

Полет был праздником. Минут десять-пятнадцать праздника. Остальное – будни. Подъем до солнца, отбой поздно вечером...

Тут я хорошо узнала, что значит «неженское дело». Надо было не просто поспевать за мужчинами. Среднячком свое право я не могла утвердить. Надо было стать первой...

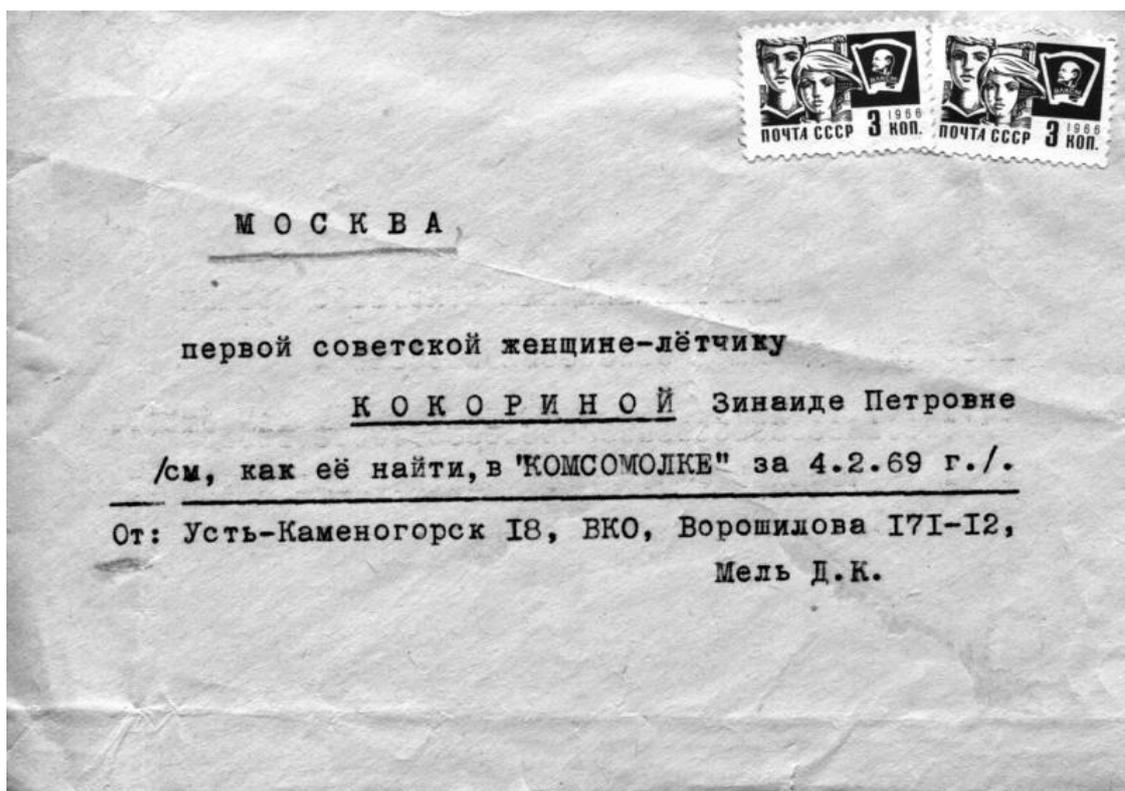
И она была первой во всем. Её выбрали старостой группы. Она первая освоила самолет. И когда подошло время летать без инструктора, первой назвали ее фамилию...

Фотографии, помещенные в газете, разделяло сорок пять лет, но время не могло изменить главного в человеке: «Сильному и красивому Русскому человеку – Зинаиде Петровне Кокориной – с глубоким искренним уважением» – подписал ей свою книгу очерков талантливый журналист Василий Песков.

Публикация очерка Пескова оказалась камнем, сдвинувшем лавину писем-воспоминаний друзей ее молодости.

Сколько человек откликнулось на очерк Пескова!

¹ В. Песков. *Первая. Комсомольская правда*, 04. 02. 1969. Далее – ссылки на этот источник.

Откликнулись друзья-военлеты, с которыми училась она, и бывшие её ученики, участники Отечественной войны, те, с кем вместе создавала в небольших городах огромного Союза авиаклубы Осовиахима, выроставшие потом в Авиаучилища – все они строили Воздушный флот страны. Она была одной из легенд первого поколения – и радость возвращения её имени была искренней и шумной.

«Зина, Зинуша, драгоценнейшая наша Зинка Кокорина – один из красивейших символов, даже знамен нашей, уже далеко отлетевшей эпохи! Я ведь давно потерял тебя из виду. И вот Песков крикнул о тебе – к величайшей моей радости. К сожалению, не так громко и внятно, как следовало бы. Оно и понятно: как он смог бы вжиться в душу нашей эпохи, особенно в такую деликатную область, как авиация... В результате получилось произведение бледноватое, гораздо ниже многих других опусов этого во всех отношениях замечательного и сильно любимого мной журналиста.

В очерке даже вскользь не отмечено, на какой героический подвиг ты шла, поступая в летную школу – тех лет и с тем техническим уровнем учебных самолетов. Это несомненно был героизм. Я отлично помню, как в одну неделю могло гробануться два-три человека. На твоих глазах Роном перебило пополам Нину Чудак. Через несколько дней разбился Поэль – самый близкий тебе человек. Последнее напряжение возникло в школе после полета Иевлева, когда было подано сразу 10 (десять) рапортов об отчислении. Я скажу прямо: все наши курсанты были отважными людьми! Так ведь почти все они прошли через горнило гражданской войны, многие хватили еще и первую империалистическую. Но ты же была ещё девчонкой, к тому же симпатичной. Откуда взялась такая решимость? – многие не могли понять. Кажется, я понимал и очень хотел, чтобы ты завершила свое дело. Присматривал за тобой, как за ребенком. Помнишь, как я упрямил тебя отказаться от юбки, чтобы в полете свободная одежда не зацепила бы какую-то деталь аппаратуры? Не я один – сколько ребят берегли тебя. И ты взлетела! Первой из нашей группы была допущена к самостоятельному полету. Красный военлет!

Я ничего не знал о тебе после твоего направления в Серпухов. Видно, крутая жизнь была у нас обоих. Напиши мне. Обязательно.

Твой старинный и верный друг Дмитрий Мель».

Вот письма от других друзей – из Качи, Серпухова, Кировограда... Есть и московские адреса (явно новые). Некоторые, боясь, что она могла забыть адресата, вспоминают детали – важные или смешные, но общие, дорогие для обоих. Забавная рожица в большом летном шлеме на тренировочном самолете непочтительно-любовно именовавшемся «Аврुшка», упоминание прозвищ инструкторов-наставников, общее название которых было почтительным – Бог (!). Её инструктором был Борис Туржанский, позже – Герой Испании. О его преждевременной смерти она уже знала. О судьбе многих других – узнала из этих писем.

Были письма не только от летчиков.

«Много на нашей земле есть профессий, связывающих людей дружбой, но нет крепче дружбы авиационной, воздушной. Ни один механик никогда не забудет своего летчика, которому, может, и всего-то один раз готовил самолет: проверил каждый болт, каждый трос, ибо от этого зависит жизнь. Я счастлив, что готовил к полетам ваш самолет – примите земной поклон – первая женщина красной советской авиации» (Борис Полетаев)².

А вот подпись вроде бы совсем незнакомая – Милавин Прокопий Васильевич: «В газете я увидел многоуважаемую Зинаиду Петровну Кокорину. Она была инструктором Школы высшего пилотажа в городе Серпухове в 1924 году. Я у нее был механиком самолета «Фокер. Д-11». Сказать, что она была строгой – не совсем точно. Требовательной – ко всем и к себе в первую очередь. Она приходила на аэродром раньше всех, к её приходу я мотор уже опробую и она всегда первый вылет делала сама. Самолет «Д-11» в то время считался истребителем первого класса, но технической проверки каждый раз требовал тщательной. На нем Зинаида Петровна делала фигуры высшего пилотажа, курсанты её группы гордились и любили её и весь технический персонаж относился к ней с теплым уважением. Всегда давали отпор, когда кто-то из мужчин-летчиков (были и такие) пытался назвать эти фигуры – «дамские штучки». Потом вроде бы замолчали. Убедительно прошу передать Зинаиде Петровне, что я ее механик. Она меня вспомнит. Обязательно»³.

Милавин. Милавин... Имя? – Прокопий. Да. Прошей звали молодого застенчивого механика, первым добежавшего до её чудом приземлившегося самолета. И отчаянный крик: «Я же предупреждал вас...!» Это он требовал тогда еще раз проверить крепление крыла вновь прибывшего самолета. Отложить полет. Она настояла на первом вылете. Каким чудом удалось ей посадить на крыло набиравший высоту и внезапно рухнувший самолет? «Считай, пронесло,» – тихо сказал один из врачей. А вот механик кричал на пилота, наверное, в первый раз... «Помню, Проша. Помню. Хорошо, что ты жив и остался в авиации».

Гора писем. Кому отвечать? Она вновь перекладывает письма. Стоит их как-то сгруппировать?

На чистом листке бумаги появляются два столбика фамилий: слева друзья-авиаторы, о чьей судьбе узнала она из писем, справа – фамилии тех, о ком спрашивают адресанты, полагая, что она что-то может знать. Это главное: информация, которую ищут и ждут. Среди знакомых имен много погибших на войне – об этом, наверное, уже знают. Хотя детям и внукам дорога каждая деталь из событий довоенной молодости их отцов... Ещё нужнее – помочь тем, кто хочет узнать о судьбе «потерянных», вернуть честные имена людям и просто забытым, и, тем

² Песков В. М. *Первая. Очерк. Комсомольская правда, 04. 2. 69 г.*

³ Песков В. М. *Первая. Очерк. Комсомольская правда, 04. 2. 69 г.*

более, незаслуженно оклеветанным и «втихомолку» реабилитированным посмертно или через годы вышедшим из концентрационных лагерей. Почти в каждом письме ее о ком-то спрашивают. А вдруг она что-то слышала? Ведь узнал же о ней самый известный журналист Василий Песков? Только говорить нужно все. Читатель уже о многом знает или догадывается. Вот одно из писем на имя Пескова, переданное ей.

«Уважаемый Василий Михайлович! Вы всегда рассказываете об интересных людях как-то просто и убедительно, с большой поэтичностью. Вот и ваш очерк за 4 февраля 1969 года под заголовком «Первая» – о Зинаиде Петровне Кокориной. Любопытная судьба. Очень даже. О таких людях говорят: большая цель рождает большую энергию. До какого-то отрезка ее судьбы вы дали почувствовать эту энергию Кокориной. Но... вы видели, как добре гарцующий ручей вдруг исчезает в ненасытном песке? Что-то вроде на полном скаку – стоп! Вот именно так на этот раз у вас получилось.

У меня сложилось впечатление, что с Кокориной вдруг что-то случилось. А что – не понял. Ибо в ответе на вопрос стюардессы, так печально прозвучавшем: «Да, дочка, за последние 33 года...», – нет никакого намека, что же случилось, коль она уже 33 года так далеко от любимого дела. Почему вдруг судьба загнала ее в Киргизию и сделала почти никем не знаемой? Этот вопрос не мог не возникнуть, не мог оставить равнодушными ваших читателей. Что же случилось?

С большим уважением Борис Козырь. 6. 02. 69 г.»⁴.

Наверное, вопрос возник не только у Бориса Козыря. Ответ на него, возможно, угадывается теми, кто ждет ответа от нее самой. В моем архиве много таких писем. Об этом нужно писать. Само слово «репрессия» редко появляется в письмах. Чаще – спрашивают с надеждой: «Не слышала ли о...?»

⁴ Личный архив З. Кокориной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.